

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 25-го апрѣля 1904 года.

Инородцы острова Сахалина.

(Описание, см. иллюстр. прилож. къ № 77).

За гилляками по количеству душ населенія слѣдуютъ айно, живущіе по западному побережью не выше с. Усть-Агнево и по восточному вплоть до Тарайки. Айно, полагаютъ, пришли съ японскіх острововъ, откуда они были вытѣснены со II по XI в. по Р. Хр. Теперь они занимаютъ сѣверъ Японіи и югъ Сахалина. Они принадлежатъ къ числу самыхъ великорослыхъ инородцевъ острова. Другая ихъ особенность — длинные волосы на головѣ и бородѣ. По чертамъ лица между ними встрѣчаются совершенно кавказскаго типа. Говорятъ они на простомъ языкѣ, такъ что ихъ языкъ сталъ общимъ разговорнымъ при сношеніяхъ остальныхъ инородцевъ съ ними и между собою.

Еще недавно айно жили въ ямахъ, надъ которыми возвышался сарай. Теперь землянки почти повсемѣстно замѣнились юртами, построенными изъ колышекъ, забранныхъ камышемъ, или же сложенныхъ изъ бревенъ, съ двухскатной крышей. Юрты четырехугольны, въ каждой стѣнѣ отъ двухъ до четырехъ сажень. Передъ входомъ въ юрту непременно дѣлаются стѣны, въ которыхъ помѣщаются собаки. Въ айнской юртѣ больше свѣта и опрятности, не смотря на то, что здѣсь помѣщаются иногда до 4-хъ семействъ. Полы устилаются японскими матами; среди утвари замѣчаются японскія чашечки и раковины, замѣняющія тарелки; встрѣчаются даже японскіе столики на выгнутыхъ ножкахъ. Японское вліяніе сказывается и въ костюмахъ, среди которыхъ преобладаетъ японскій покрой. О матеріи нечего говорить: она непрежне японская. Какъ и въ Японіи, здѣсь можно видѣть накидки изъ травы, а также татуированныхъ, особенно женщинъ, которая обязательно, по достиженіи зрѣлости, татуируютъ верхнюю губу.

Айнская юрта такъ же, какъ и гилляцкая, окружена амбарами на сваяхъ для хранения юкюлы. Отопленія дымоходными трубами айно не знаютъ. Имъ тепло доставляетъ огонь очага, поддерживаемый въ течение дня. Надъ очагомъ постоянно виситъ таганецъ. Съ раннего утра до глубокой ночи не прекращается стирка, поэтому вода събѣгается питьемъ или наоборотъ. Пищею служатъ: рыба, собаки, морская падаль. Бѣлятъ также листья нѣкоторыхъ деревьевъ, стебли извѣстныхъ растений, корни, черемуху. Пьютъ кирпичный чай безъ сахара.

Главное занятіе айновъ рыболовство. Занимаются и охотой, но она даетъ мало. Во время рыболовнаго сезона занимаютъ на работы къ японскимъ работопромышленникамъ. При этомъ, за 2—2½ мѣсяца получаютъ продуктами не болѣе 15 рублей, а именно: 1 кулъ ризеу (3½ пуда), халатъ японскій, 5 кусковъ рубашечной матеріи, до 2½ фунт. свищу, 3 мотка нитокъ, пачку гипокотъ, 5 пачекъ табаку японскаго, 4 фунт. табаку маньчжурскаго, пачку спичекъ, ¾ ф. порохоу, 6 штофовъ японской водки (саке), головной платокъ и повязку для мужчинъ. На работы занимаютъ мужчины, женщины и дѣти. Мужчины работаютъ почти безъ всякой одежды, имея одну только повязку.

Женщины подбираютъ волосы жгуткомъ, а мужчины распускаютъ ихъ свободно по плечамъ, сбывая лишь переднюю часть головы. Брачный возрастъ мужчинъ наступаетъ въ 13 лѣтъ, женскій годомъ раньше. Жена прибрѣтается за колымъ. Многоженство чрезвычайно рѣдко. Женщины пользуются уваженіемъ. Супружеская вѣрность безусловна. Женщины выполняютъ всѣ домашнія работы: носятъ дрова, разводятъ огонь, треплютъ дикую коноплю, плетутъ соломенные маты, выдѣлываютъ шкуры. Роженица удалается въ пустую юрту, что практикуется всѣми сахалинскими инородцами. Наблюдается среди айновъ обычай кувады: мужъ роженицы лежитъ

шесть дней въ юртѣ на положеніи привилегированнаго. Айнскія женщины отличаются особеннымъ пристрастіемъ къ металлическимъ украшениямъ. Металлъ айно не обрабатываютъ.

Айны въ небольшомъ числѣ переселились въ Японію, такъ какъ русскіе стѣснили ихъ селенія, захватили ихъ рыболовныя угодья и завладѣли ихъ рѣчками, на которыхъ они охотились на соболя. Ниприхвъ айнскій поселокъ Сінны сжаты на 100 саженьхъ двумя русскими поселенцами Переселившимися въ Японію переходятъ къ земледѣльческимъ занятіямъ и становятся культурными. Впрочемъ, нѣкоторые изъ айнецъ около Найроу, Серароко, Косуэны и Маука съѣли картофель. Въ Серакоко и Большомъ Такѣ русскіе поселенцы живутъ съ айскими женщинами, которыя обнаруживаютъ способность приспособляться къ новымъ бытовымъ условіямъ.

По характеру своему айно болѣе симпатичны, чѣмъ гилляки; они отличаются, кромѣ доброду-

шества, сначала онѣ поѣсть у себя, затѣмъ идутъ къ сосѣду, отъ этого переходитъ дальше и т. д. Гости не стараются занимать, какъ у насъ разговорами, а только что онѣ пойдутъ въ юрту, ему сейчасъ даютъ кусокъ мяса, чашку чаю и трубку; поѣвши, гость уходитъ.

Обоимъ аппетитъ ороченъ, помимо общихъ всѣмъ инородцамъ условій, нужно объяснить устройство ихъ жилищъ и качествомъ одежды. Ороченскія юрты, какъ тунгусскія и якутскія, состоятъ изъ длинныхъ, торчмя укрѣпленныхъ въ видѣ конуса, жердей, которая покрывается корьемъ, а чаще всего китайской почти прозрачной бумажной матеріей. Въ такой юртѣ такъ же холодно, какъ и въ ея. По срединѣ раскладывается костеръ, кругомъ располагаются люди. Костеръ горитъ въ течение дня; ночью же поддерживать огонь считается грѣхомъ. Полъ юрты устлается хмѣемъ и оленьими шкурами. Лишняя одежда вмѣстѣ съ собаками и другими мѣхами находится за юртой, въ особомъ кучахъ, прикрытыхъ корьемъ или медвѣжьей шкурой. Люди спятъ ногами къ костру, раздѣваясь до нижняго бѣлья. Одышко служитъ иногда шкура, старый мѣхъ, а чаще всего женская, подбитая втрѣмъ одежда изъ бумажной дѣбы или дрели. Нельзя не удивляться, какъ могутъ люди не замерзать въ трескучіе морозы. Это только и можно объяснить себѣ усиленнымъ внутреннимъ отопленіемъ, которое происходитъ у всякаго ороченя, унасившаго много фунтовъ мяса, жира и рыбы.

На сѣверѣ Тобольской губерніи намъ пришлось видѣть остяцкія и самоедскія юрты, хорошо защищенныя отъ стужи оленьими шкурами и даже у обездоленныхъ инородцевъ тамъ нельзя встрѣтить юртъ, подобныхъ ороченскимъ. Къ сожалѣнію, скудость юртоваго покрыва и одежды сахалинскихъ ороченъ зависитъ отъ ничтожныхъ размѣровъ оленеводства. Рѣдко здѣсь встрѣчается семья, въ которой имѣется десятокъ, другой оленей. Нѣсколькими десятками оленей владѣтъ на Сахалинѣ одинъ только якутъ.

Одежда у ороченъ почти одинаковая для обоихъ половъ. Сверху носится полукафтаны изъ легкой матеріи или арестанскаго сукна. Къ короткимъ штанамъ изъ замши пристегиваются длинные мѣховые набедренники, начинающіеся съ половины ляжки и оканчивающіеся у щиколотки. На ногахъ носятся мѣховые торбаа. Рукавицы и шапка ничего характернаго не представляютъ.

Ороченя не такъ близки къ русскому населенію, какъ гилляки, и поэтому у нихъ сохранилось болѣе первобытныхъ чертъ. Они болѣе честны и болѣе метельны. Положеніе женщинъ такое же, какъ и у гилляковъ, но невыгодную для нихъ разницу составляетъ то, что на ней лежитъ у ороченъ забота объ устройствѣ юрты, а это трудъ немалый. Ороченя считаются православыми, хотя въ дѣйствительности и до сихъ поръ язычники. Покойниковъ ороченя погребаютъ въ особомъ срубѣхъ, поставленныхъ высоко надъ землею. Въ срубѣ кладутся различныя вещи, употреблявшія покойникомъ при жизни. При погребеніи приносится въ жертву домашній олень. Кладбище постоянныхъ нѣтъ. Наоборотъ, мѣсто погребенія стараются сейчасъ же послѣ похоронъ поинунуть и къ нему больше не возвращаться. Отъ прочихъ инородцевъ острова ороченя отличаются веселостію и наклоностью жить въ разбродѣ.

Ороченя, какъ и гилляки, пришли на Сахалинъ изъ Сибири въ далекомъ прошломъ. Что же касается тунгузовъ и якутовъ, то они появились на островѣ вслѣдъ за окончательнымъ водвореніемъ здѣсь русскихъ. Ихъ излюбленный районъ на западномъ побережьи, между селеніями Вяхты и Лянгри. Въ этихъ мѣстахъ тундра представляетъ богатое естественное пастбище для разводимыхъ ими оленей.

Кромѣ гилляковъ, айновъ, ороченъ и тунгузовъ на сахалинѣ кочуютъ еще якуты. Они перебра-

Айны.

(Изъ колыскій Тасэки Инакава).

ши и гостеприимства, рѣдко душевно мягкостію. Въ религіозномъ отношеніи они стоятъ ниже гилляковъ. Покойниковъ кладутъ въ канавы, обложенныя досками, головой къ сѣверу, ногами къ югу.

Ороченя держатся главнымъ образомъ около рѣки Хоз, впадающей въ р. Поронай, самую большую на островѣ. Въ жаркіе лѣтніе дни они раскидываются по западному побережью около Тыки, Лахи, Ванги, Погиби и Найдэ. Въ августѣ они уже перебираются на восточный берегъ къ устьямъ рѣки Тымы, къ заливамъ Набильскому, Ныйскому и Чайскому. Здѣсь ороченя запасаются юкюлой. Съ началомъ зимы они откочевываютъ къ предгорьямъ для охоты на соболя, дикихъ оленей и медвѣдя.

Ороченя занимаютъ оленеводствомъ, охотой и рыбной ловлей, они охотятся съ собакой и берхомъ на оленѣ, благодаря чему добываютъ порядочное число соболей. При удачѣ на юрту приходится въ одинъ сезонъ до 100 соболей и 15 штукъ дикихъ оленей. Кромѣ юкюлы и кореньевъ, они въ изобиліи питаются оленьимъ молокомъ и мясомъ. Бѣлятъ мясо сырое и вареное, заливая его прѣснымъ наваромъ. Любятъ очень рисовую кашу съ перичнымъ жиромъ, пьютъ также кирпичный чай. Вообще они неуклюжіе, низкорослые инородцы, питаются гораздо лучше другихъ. Обжорливостію они отличаются прямо удивительной. Если ороченъ не на охотѣ, то онъ сидитъ у костра и непрерыв-

лись с материка для нужного промысла в шестидесяти годах истекшего столетия. Якуты приписаны к Удской округе и ежегодно вносят в Николаевск ясак. Остальные инородцы никаких податей и повинностей не несут, хотя торное начало нередко принуждает их к сопровождению арестантов, доставлению лодок. Жизнь их полна тяжелых испытаний. Лучшая рыболовная и охотничья угодья заняты русскими. Те же русские, японцы и амурские гиланы — все, но каждый по своей системе, эксплуатируют этих несчастных насанков истории. Голодовки сменяются эпидемиями кори, оспы, чумы, и остров постепенно очищается от старых насельщиков. По сведениям, приводимым исследователем Бошняком, в 1858 г. гиланов числилось на острове 3270 душ, а 40 лет спустя, как мы видели, их было 1912. По свидетельству японского топографа Мамаи Ринзо в 1808 г. айнов было 2847 человек, а спустя 90 лет — только 1129.

Впрочем, «инородческий» вопрос — это большое место многих частей нашей государственной территории. В настоящей статье мы ставим задачей лишь познакомить в общих чертах с туземным населением острова.

Н. Новомбергский.

Уходит к чужим!

Весеннее солнышко так ласково пригривает обновленную, покрытую глянкой изумрудной зеленой землей. В далекой яркой синеве неба несутся бьяны, нарядные, кудрявые тучки, разбегаясь и сплетаясь в причудливые гирлянды и хороводы. Эти хороводы и гирлянды отражаются в спокойных голубых озерах, еще не успевших усохнуть после вешней воды. Не успели высохнуть и бесчисленные ручейки, стекающие в большую полноводную речку, которая блестящей лентой окаймляет город N—ск. Ручейки весело журчат и перепрыгивают по камушкам, мутятся и вадуются там, где встречают какую нибудь преграду и, одолев ее, снова несутся к своей цели, к широкой, серебристой ленте речки, искрящейся на солнце и переливающейся золотом и серебром. Расстилается черемуха и сирень и летит аромат из маленьких сади-

оба уже успели пропустить по «посудинки», оба — горластые и не желают уступить друг другу в красноречии.

— Ты понимаешь, али итти, слова голова, я из-за тебя могу «местов» лишиться! Я вдь воду приставаю не шантаж какой, а сурьезным господам... Ты день не возыл, да вь кузину рунь сь полтины отдал я, а рунь то сь полтины — не баранья роза: чего нибудь стоить! — орал хозяйин.

— Дороги то вь город — я проводить... Должен ты это понимать, — огрызнулся работник, а коли не понимаешь, то плавать мги и на твои «места», и на твоих сурьезных господа, да и на тебя вь приладу! Зима то прошла, теперь работы сколь хош!

На яденком мостик, ниже пристани, прачки громко колотят вальками и одна из них,

Аино.

(Из коллекции А. фон-Фрикс.)

молодая и румяная, возливо выводить, заглушая голоса товарищ:

Моя мила синпатична.
Ой! ой! ой!
Одъвается прилично.
Боже мой!
Не носи, милый поддевки
Ой! ой! ой!
Не крути моей головки,
Боже мой!

Кой кто из ребятшек на берегу подтягивает тоненькими, звонкими голосами: имя, видимо, очень нравится припеть песни, нравится не меньше, чьмь виртуозная ругань водоносов, уснащенная специально русскими словечками.

Ребятишки особенно много на берегу за городским садом, при самом спуске к речке;

тут стоит немолчаливый ребячий гомон. Это шумное веселье вызывает большую зависть на нескольких тонких, первых личиках, выглядывавших из-за железной решетки сада: там гуляют сь бонами и яниями чистенькая и нарядная дьвочки и мальчики, которым нельзя разуться и бьжать шептаться вь воде. Они могут играть вь серсо, вь мячик, возить вь тачечках песок... Но вода для них — запретная стихия!

Через сад пробгают и гимназистки. Мальши тоже сь завистью поглядывают на босых и мокрых счастливицев, у которых штанишки засучены выше колен; иькоторые, — ты, что поозришь, — не могут, вьпрочем, устоять против соблазна, они сбгают по боковым аллеям вниз сада, туда, где рьшетчатая дверь выводит на берег и сь наслаждением швыряют камушки вь воду, «пекут блины», любуются громадными кругами на блестящей поверхности воды от брошенных камней. Гимназистки торопятся, оглдьваются и, поправив

на бок събхавший ранаец, вь несколько прыжков вьбгают на кручу берега, чтобы догнать ушедшего вперед, стойкого перед соблазном, товарища.

Иной малыш сорвет на ходу листик сирени и на ходу же, поднося к губам, шелкает им; другой погонится за бабочкой, накроет ее фуражкой сь кокардой и — несет, как трофей, вь сьрое, неприглядное здание, где он должен просидеть иьсколько скучных часов, зная, что за стьной сьдет солнце, шумит вода, поют и щебечут птицы. Тяжелая, дьбвая дверь, как пасть чудовища, поглотит малыша изь этого моря света и звука, и ичезая за ней, он еще раз окидывает жадным взором все, что остается за этой дверью: и синеу неба, и кудрявые облачка и бьллы и сиреневы куш городского сада на фоне иькой, молодой, зелени; он точно хочет запечатлеть это вь своей маленькой стриженой головке, чтобы огратить ее от иных скучных, нудных впечатлений, во власть которых он попадет вь стьнах гимназии.

Благоветать вь собор и низкий, плывущий звон гудко разнесется вь свьркем утремнем воздухе. После благовета появляются и больше гимназисты, они сьбгать, они всегда приходят поздне маленьким. Торопливо подходит кь подьзду гимназии довольно молодая еще дама, вся вь черном, сь тоненьким высоким мальчиком, одьтым хотя и вь сьбрую куртку, но на головке вь него не фуражка сь кокардой, а фетровая шапочка, он несет книжки вь ремнях и его хорошенькое, нервное лицо выражает волнение.

— Я говорил, мама, что мы опоздаем!

Швейцарь пропускает их вь широкую, огромную дверь и они быстро поднимаются по льстнице сь красным ковром и проходят вь рекреационную залу, где экзаменуют новичков.

Они, действительно опоздали: молитва уже прочитана, вь заль зловещая тишина, прерываемая, то тигучими, то отрывистыми вопросами экзаменуемых и робкими отьбгми новичков.

Обожженный солнцем, румяный мальчик стоит предь зеленым столом и трепетно спрагает:

— Sun, es, est, sumus, estis, sunt.

Мать и сын садятся на маленький деревянный диванчик возле двери и оба сь

Аинская юрта в Маун.

(Из коллекции А. фон-Фрикс.)

ковь, прячущихся за высоким забором, или зеленой рьшеткой. Всюду жизнь и движение: вь роцк за рькой кукует кукушка, где то иьжно воркуют голуби; суетятся и задорно щебечут вертлявые воробьи; не меньше воробьев суетятся и щебечут ребятшки и возле рьки, и возле каждого ручейка и мутной канавки. Засучив штанишки и подоткнув подола, они сь наслаждением шлепаются вь воде, строят запруды, ставят «мельницы», заставляя силой воды вертеться маленькие самодельные колесики.

На рьке, около пристани, особенно шумно: изь отворенных оконь домика на берегу несутся забортная рудала гармонки и мужичий фальцет выводит:

«Не ходи за ворота, юбочку загрязнишь!
«Ты скажи, скажи, милая: любишь,
или дразнишь?»

Стой сь бочками вь воде, два водоноза артистически переругиваются: дьло идет о сьломанной наканувг тележке. Это хозяйин и работник;

Группа айнов во главе сь исследователем г. Илсудекимм.

(Из коллекции Такеши Инакава.)

замиранием, сь бьющимся сердцем, ждуть своей очереди.

Кой-где, на диванчиках вдоль стьны огромного зала, сьятся мужичьи и женшины сь напярженным выражением лица, сь тоской и заботой оглдьвая своих сьновей. Мальчишка ведут себя различно: одни сидят сонные и вялые, другие лихорадочно перелстывают свои книжки и на лицах их выражается холодный ужас, всякий раз, когда раздается экзаменаторское «довольно» и перья скрипят, выводя баал.

— Сергьй Синцов! — позвал толстый, вь золотых очках, важный инспектор, заглядывая вь список экзаменуемых.

Дама и мальчик вьстрепенулись. Краска залила лицо матери и сына. Мальчик встал, краска сьмнялась бльдностью, пока он шел оть двери кь столу.

— Переводи басню «Culex». Знаешь ее? Учили?... Склоняй сначала culex... Какого склонения? — спрашивал инспектор властно и громко,

не дожидаясь даже ответов на свои вопросы. Он сегодня въ дурном настроеніи: во первых, накануне долго засиделся въ клубѣ; во вторых—вызванный первымъ его сынъ отвѣчалъ „не важно“ и хотя онъ знаетъ, что „коллеги“ поставятъ удовлетворительный балъ его Костѣ, но родительская гордость задѣта и не можетъ помириться съ печальнымъ фактомъ;—мысленно онъ собирается „раздѣлаться“ съ негоднымъ мальчишкой, предпочитающимъ голубиную гонку латинской грамматикѣ.

— Обалдѣть, негодникъ, съ этими голубями, загорѣть, какъ арапъ!—мысленно ругаетъ онъ сына и невольно раздражается на тѣхъ, кто отвѣчаетъ бойко: „вѣдь вотъ, вызудилъ же, а мол!“

Смущенный окриками и этимъ безцеремоннымъ „ты“, привыкшій считать себя „большимъ“ Сергѣй въ началѣ сильно робѣетъ, но въ общемъ переводѣ басни кончается удовлетворительно. Сергѣй успѣваетъ даже замѣтить балъ

З, который ставитъ ему инспекторъ. Мальчикъ, сияющій и улыбающійся, идетъ къ матери: это послѣдній экзаменъ и онъ—гимназистъ, третьеклассникъ! Мать тоже радуется, но уже чрезъ минуту облако грусти застилаетъ ея печальные, уставые глаза: она знаетъ, она испытала уже на старшемъ сынѣ, что съ этихъ поръ мальчикъ почти не принадлежитъ ей... Гимназія, университетъ, можетъ быть солдатчина, вообще—жизненная вода будетъ нести ей сына все дальше и дальше отъ нея и все меньше и меньше будетъ у ней возможности охранить, уберечь, защитить того, которого она берегла и охраняла со дня рожденія!

Чужие, иногда и чуждые люди займутъ на него права и, кто знаетъ, можетъ быть, съумѣютъ вырвать съ корнемъ привязанность къ ней и ко всему тому, что составляетъ „святая святыхъ“ ея души...

До гимназіи она сама выбирала товарищей своимъ сыновьямъ, она боялась дур-

Встрѣтись у знакомыхъ съ однимъ уважымъ въ городѣ педагогомъ, она задала этотъ же вопросъ.

— Сударыня,—отвѣтила ей, разводя руками; педагогъ,—мы безсилыны. И, наконецъ, поймите, изъ какихъ семей поступаютъ къ намъ дѣти... У насъ дѣти на глазахъ только 5 часовъ, остальное время они вѣдъ нашего влѣнія...

— Но тогда воспитательное влѣніе школы сводится къ нулю,—огорчалась м-ше Синцова,—наше общество такъ не культурно... Школа обязана внушать понятія о чести, развивать стремленіе къ идеаламъ добра, красоты... Въ иныхъ же отношеніяхъ вы контролируете всѣ мелочи, слѣдите за каждымъ шагомъ учащагося... Между тѣмъ въ многихъ отношеніяхъ дѣти, ваши питомцы, остаются дикарями... Остаются маленькими зычниками, выполняющими только вѣншность...

И м-ше Синцовой припомнился фактъ: дѣвочка-подростокъ, уже не одинъ годъ посѣщаю-

они шли веселые и оживленные и оба громко разсѣялись надъ загорѣлымъ гимназисткомъ, котораго они видѣли въ экзаменаціонномъ залѣ: онъ стоялъ среди тротуара и, блестя глазами и жестикулируя, разсказывалъ товарищу, придерживая послѣднѣго за рукавъ:

— Понимаешь... Мы мѣнялись съ нимъ, съ Мишкой. Онъ мнѣ далъ черно-хулашаго, а я ему—ленточнаго... Его голубь тоже вертится, по мой—падаетъ на хвостъ...

Это техническое выраженіе голубятничковъ и разсѣяло Сергѣя, и онъ долго олялячивался на размахивающаго руками гимназиста, отъ котораго тѣсно пытался улизнуть проголодавшій товарищъ, равнодушный, очевидно, къ голубиному спорту.

Чрезъ полчаса Сергѣй въ новой фуражкѣ съ гербомъ гордо проходитъ по знакомой ему улицѣ къ зелененькому особнячку, изъ оконъ котораго неслись быстрые звуки какаго то мудренаго экаерсепа.

До конца, впрочемъ, Сергѣй не выдержалъ роли степеннаго, но партикулярнаго уже, молодого человѣка: онъ быстро подбѣжалъ къ окну, ухватился за подоконникъ и просунулъ голову между шпѣтвѣ и шторъ.

— „Лялька! Смотри!“ Эксерсисъ оборвался на полнотѣ, полетѣлъ съ грохотомъ стулъ по скользяму полу и хорошенькая черноглазая дѣвочка подбѣжала къ окну, взглянула на гербъ и захолопала въ ладоши.

— „Выдержалъ! Выдержалъ! Гимназистъ! Какъ папа обрѣдуются..“

Она отбросилась отъ окна и ринулась на крыльцо, едва не сваливъ съ ногъ толстую, потную кухарку Матрену, заинтересованную шумомъ и громкимъ разговоромъ.

Мальчикъ и въ залѣ не снялъ своей фуражки. Онъ, смѣясь, стоялъ передъ сестрой, которая не переставала кричать:

— „Гимназистъ! Матрена—смотрите: онъ гимназистъ!“

Центральное мѣсто на медвѣжьемъ праздникѣ айновъ.
(Изъ коллекціи Такеси Инакава.)

Аинскіе старшины въ своихъ почетныхъ халатахъ.
(Изъ коллекціи Такеси Инакава.)

Старшины на праздникѣ у медвѣжьей шкуры.
(Изъ коллекціи Такеси Инакава.)

ныхъ прихвѣтовъ, грубыхъ забавъ. Душа ея мальчишкова была открыта ей. Мало зная школьную среду, она многое не предвидѣла, отводи старшаго сына въ гимназію и радовалась поступленію мальчика не менѣе, чѣмъ онъ самъ. Разочарованіе наступило слишкомъ скоро... Этотъ формализмъ, это отсутствіе сердечности въ отношеніяхъ къ дѣтямъ... Наконецъ самая среда унашихъ... Грубость и неразвитость большинства мальчиковъ, съ которыми надѣ было проводить школьные часы... Воровство, не возбуждающее негодванія, но было вопросомъ чести разсыкать виновнаго, подвергнуть его отлученію отъ товарищей... Ея мальчикъ разсказывалъ о невѣроятной грубости учениковъ, о площадной брани, о дичинныхъ разговорахъ, царившихъ между малышами. Сначала онъ не понималъ этихъ разговоровъ, а когда ему объяснили, онъ плача повторялъ матери:

— Я самъ себѣ гадокъ! Чего я наслушался, что они говорили мнѣ!

— Но, что же смотришь!—ужасалась она послѣ признаній сына.—Какъ же смотришь на это! Вѣдь замѣчаютъ же каждое минутное опозданіе, каждую оторванную пуговицу, забытую тетрадку!.. Замѣчаютъ и ставятъ на счетъ...

шяя школу, изъ семьи, гдѣ считали величайшимъ грѣхомъ лѣть молоко въ пятницу, эта дѣвочка въ день причастія говорила съ негодованіемъ, не успѣвъ выйти изъ церкви: зачѣмъ торчатъ эти „выкрестки“ въ церкви! Онъ такъ мнѣ ненавистны, онѣ не должны показываться на глаза христіанамъ!.. М-ше Синцовой тогда же подумала, что ни родители, ни школа не съумѣли внушить дѣвочкѣ первой христіанской заповѣди—любить ближнихъ, т. е. всѣхъ людей!.. Многие еще проносились въ воспоминаніяхъ м-ше Синцовой, пока она спускалась съ широкой дѣтеницы къ выходу. Она очнулась отъ раздраженнаго окрика Сергѣя:

— Мама! Что съ тобой? Ты ничего точно не слышишь! Я укъ это разъ тебѣ спрашивалъ—пойдемъ ли мы въ магазинъ?

Мать слабо улыбнулась: она вспомнила свое обѣщаніе—купить тотчасъ послѣ экзамена гимназическую фуражку, если только этотъ послѣдній экзаменъ сойдеть удачно. И ей стало немного оневолю предъ сыномъ, радость котораго она омрачала своимъ настроеніемъ. Она постаралась взять себя въ руки и начала шутовливо распранивать Сергѣя о его настоящихъ чувствѣхъ. Мальчикъ шутовливо же отпарировалъ и

— „Ну, и пристойный баричъ въ этой фуражкѣ. Настоящій чиновникъ!“

Всѣ засмѣялись, а Лялька уже сорвала фуражку съ „чиновника“ и примѣрнула ее на себя.

Л. С.

Въ Усинскій край.

3. Усинское.

(Продолженіе, см. вѣстникъ, прилож. къ № 77.)

Скотоводство довольно развито, и при томъ молочный скотъ довольно крупный; но владѣющие большимъ числомъ головъ отдають скотъ соймамъ, которые и пасутъ его на своихъ земляхъ за границей, получая по 1 рублю съ головы. Промышленники, купивше скотъ, прогоняють его по Монголіи въ Иркутскъ, гдѣ и продають. Ясно, что при такомъ порядкѣ скотоводства промышленнаго молочнаго хозяйства и не можетъ быть; въ селеніи держатъ скотъ только для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Лошадей немного, и здѣсь онѣ дороже, чѣмъ въ Минусинскомъ уездѣ. Прилегающая къ

селедью обширная поскотина и особенно дуга орошаются мочагами частью из Уса, частью из его притоков. Особенно много сига собирают с Мордавского дуга, раскинутого ниже селения по берегу Уса.

Рядом с скотоводством нужно упомянуть и его специальную отрасль—мараловодство, которое однако здесь развито значительно слабее, чем в Алтае, Маралов держат, или в обширных "садах" (как напр. маральники на р. Мировой, на устьях Уаюна и Телпой), или просто в самом селении в скотных дворах. Далеко негармоничный крик этих "дорогих скотин" вы слышите постоянно, проходя по селению. Рога (панты) начинают расти с конца марта и снимаются около июня. Вываренные с солью и чаем и высушенные они продаются, смотря по величине, за 12—25 чаев и дороже и увозятся в Улсугай. Перфидо мараловодство постигает и неудачи; так в Нижне-Усинском пришлось разорить маральник, потому что в рогах заволокли карие то червячки, что задерживало их рост. Ловят маралов и в настоящее время в верховьях Уса и Тенсея.

Видную доходную статью для большинства населения составляют охота за пушным зверем и рыболовство. На охоту отправляются в октябрь на Тенсель, Ою и другие долины Саян. Самым ценным зверем является собо́ль, потом—белка, выдра, рысь, медведь, кроме того бьют марала, сибирского оленя, косулю и кабаргу. Опытный охотник с хорошими собаками в двухдневную охоту может обеспечить себя существование на целый год.

Рыболовством занимаются для местного потребления—на Усу, для продажи в Минусинск—на Енисее, отправляясь туда на нескольких лошадях с неводами обыкновенно в конце августа. Ловятся харьуз, таймень, ленюк, сиг, налим; стерлядь попадается только ниже Большого порога (см. ниже), которого она не может перейти. По мере ловли рыба засаливается, а зимой отвозят в Минусинск по Енисею.

В урожайные годы порадочно зарабатывают на кедровых орехах, которые ценятся 80 коп. до 1 р. 20 коп. пуд.

Пчеловодство развито слабо.

Для характеристики промышленной жизни Усинского края остается сказать, что чуть ли не все население и теперь занимается торговлей с соседями; этим и объясняется обилие лавок в Усинском, несоответствующее местным потребностям. Торгуют главным образом пшеницей, базисом, чаем зеленым, табаком, вымывая эти товары на пушнину*, мерлушку, шкуру, топленое масло, причем мѣновой единицей считается белка или кирпич чаш. Сойоты же добывают и привозят сюда соль из соляных озер близ Садана (заимка Сафьянова).

Значительным препятствием для торговли с Сойотей является плохое состояние дорог из Усинского края в Минусинск, причем товары доставляются в Усинское только зимним путем; открытие судоходства по Енисею значительно удешевило бы товары и оживило бы нашу торговлю, дав ей захватить более обширный район.

Усинское является далеко не последним пунктом русского колонизационного движения по направлению в Монголию. Верстах в 80 от Усинского, уже по ту сторону границы, верстах в 40 от нея, возникло довольно большое русское селение Туран (дворец около 40); верстах в 10 от него второе селение Оюк (дворец около 20); и наконец, еще дальше третье селение Себа. Кроме того с давних пор на монгольской территории существуют русские торговля фактории, под названием "русских домов"; одним из примѣров таких факторий является заимка Сафьянова на Садаге, на 30 верст ниже сая-

ни Большого Енисея (Бейхэмэ) и Малаго Енисея (Удукхам). Крестьяне упомянутых выше трех селений не встретили со стороны сойотов никакого сопротивления и тут же ничтожных подачек выговорили себе право селиться и иметь достаточное количество земли для пашни и лугов. Китайская администрация тоже примирилась с этим фактом, не заявляя даже претензий на уплату податей за пользование землей; подати крестьянами Турана, Оюка и Себы уплачиваются в Усинское пограничное управление, куда они причислены в административном отношении.

Такое миролюбивое отношение хозяев страны к новым пришельцам объясняется отчасти обилием земель, отчасти тѣм обстоятельством, что официальная граница нынче не охраняется, а линия китайских пикетов проходит гораздо южнее по хребту Такун-ола. Условья жизни и земледѣя этих поселков приблизительно те же, что и в Усинском. Для посева пользуются искусственным орошением по системе старых зарубежных арыков, что говорит за то, что земледѣе здесь

Если добавить к тому, что относительно полезных ископаемых Усинский край обследован весьма мало, то можно надѣяться, что со временем здесь возникнет значительный горнозаводский район; и в этом нужно полагать его будущее.

В. Сапожников.

(Продолжение статьи).

Бюсть Леонардо-да-Винчи.

Над главным входем в главный корпус здания технологического института предположено поставить четыре бюста по числу отделений института: химического, инженерно-строительного, механического и горного, а именно бюсты знаменитого французского химика Лавуазье, итальянского художника Леонардо-да-Винчи, изобретателя паровой машины англичанина Уатта и отца геологии, гѣмца Вегнера, впервые признавшего в слончатых напластованиях земной коры морские осадки. Изготовление моделей этих четырех бюстов поручено пѣмецкому художнику Гейнриху Гейеру, временно отлучившемуся на томской почве. Г. Гейер родился в г. Дюссельдорфе, т. е. в одном из городов сего югозападного Гейнрихом Гейне, в Томскѣ приѣхал осенью 1902 г. по приглашению томского профессора М. А. Рейснера, с которым встретился в Германии, и провѣл, следовательно, в Томскѣ двѣ зимы; прошлым лѣтом г. Гейеру удалось познакомиться с Алтаем; онъ видѣлъ долину Катунь, видѣлъ Вѣдлуху, переѣхавъ рѣку Аргутъ, проѣхавъ по долине Чуи и осень прошлого года провѣл близъ Черги на заимкѣ художника Мако. Передъ своимъ путешествіемъ въ Россію г. Гейеръ совершилъ оригинальное путешествіе по сѣверной Африкѣ; онъ гѣшкомъ путешествовалъ съ своимъ товарищемъ прошелъ отъ Туниса до Марокко, не имея съ собой никакого багажа, пользуется гостеприимствомъ дикихъ арабовъ, языка которыхъ онъ не знаетъ. Сахара и Алтай—какой контрастъ и въ краскахъ, и въ рисункахъ! Безконечный душъ алтаискихъ дождей, музыка горныхъ токовъ, глубокая зелень растительности, поля, расточливо усыпанная цвѣтами и гѣломудренныя сѣва Бѣлухи послѣ пустыни Африки, съ ея горячимъ воздухомъ, съ накаленными песками, металлическими ящеричами и мѣдной зеленою деревней!

Изъ четырехъ заказанныхъ бюстовъ г. Гейеромъ выдѣленъ изъ глины пока только одинъ—бюсть Леонардо-да-Винчи. Подлинныхъ портретовъ Леонардо-да-Винчи, исполненныхъ масляными красками, не сохранилось. Находить уже въ преклонныхъ лѣтахъ, итальянскій маэстро самъ набросалъ краснымъ карандашомъ свой портретъ, который и послужилъ родоначальникомъ для всѣхъ остальныхъ его портретовъ, представляющихъ болѣе или менѣе удачныя фантазіи. Собственноручный набросокъ Леонардо-да-Винчи хранится въ королевской библиотекѣ въ Туринѣ; г. Гейеръ воспользовался для своей работы снимкомъ съ этого наброска, помѣщеннымъ въ книгѣ Ad. Rosenberg, „Leonardo da Vinci, Leipzig, 1898“. Туринскій портретъ вѣрно отражаетъ жизнь великаго итальянца, полную разочарований и неудовлетворенныхъ надеждъ и желаній, и его до послѣдняго издохъ не ослабѣвавшую жажду изслѣдованія. Нашъ скульпторъ изобразилъ великаго челоѣка моложе, чѣмъ на туринскомъ портретѣ, въ порѣ штыльной энергіи, когда еще не было намѣка на угасаніе жизни; онъ нѣсколько сгладилъ морщины, но сохранилъ презрительную складку губъ и острый взглядъ наслѣдателя, изъ глубокихъ глазныхъ впадин устремленный за предѣлы своей современности.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Бюсть Леонардо-да-Винчи, работы художника Гейера (фот. г. Томашевича).

существовало значительно раньше поселеній русскихъ пришельцевъ.

Задавая вопросомъ объ экономическомъ значеніи Усинского края и возможномъ развитіи его въ будущемъ, его никоимъ образомъ нельзя признать значительнымъ земледѣльческимъ и скотоводческимъ райономъ, какъ по недостатку удобныхъ пространствъ, такъ и по причинѣ суровыхъ климатическихъ условій. Вторая доходная статья—пушной промыселъ, при хищническомъ отношеніи къ зверю, скоро исчерпается или во всякомъ случаѣ падеть до ничтожныхъ размѣровъ. Гораздо больше надеждъ можно возлагать на развитіе въ краѣ горного дѣла, находящагося сейчасъ еще въ зачаткѣ. Пока разрабатываются небольшіе золотые прииски по лѣвому притоку Уса—рѣкѣ Золотой (Куртушви), находящейся въ 80 верстахъ отъ Усинского. Не такъ давно на Монгольской территоріи, недалеко отъ границы, открыто богатое рудное золото; минуяши лѣтомъ полученное изъ министерства условное разрѣшеніе вырывать его, пока не будетъ заявлено претензіи со стороны китайскихъ властей. Кроме того рассказываютъ о находженіи мѣсторожденій горнаго льна въ нѣсколькихъ пунктахъ.

* Славится Томинскій соболь.

Подписка на „СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ“ продолжается.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногороднихъ за годъ—5 руб., помѣсячно 50 коп., для городскихъ (съ доставкой на домъ отдѣльныхъ телеграфныхъ бюллетеней) помѣсячно 50 коп.—Въ газетѣ помѣщаются и будутъ помѣщаться иллюстраціи, относящіяся къ войнѣ съ Японіей: портреты, виды, планы, карты и т. п.

Подписчикамъ ежедневно будутъ доставляться телеграммы отъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Адресъ для иногороднихъ: Томскѣ, Редакція „Сибирской Жизни“.

Издатель-Редакторъ П. Макушинъ.